

Нам не поможет звезд ясность, с кораблем жизни тонущим.
 Луги, травки, цветки, рощи, поля, горы, винограды,
 Земля и древес овощи, огороды, леса, сады,
 Источники хрустальных вод, думы птиц сладко поющих,
 Жизни нашей кончится год, простите умирающих!

Преисполненные глубокой скорби причитания о неизбежности смерти перемежаются с бытовыми картинами повседневной жизни:

Сохранивши тело в земли, вечная память пропевши,
 За обедом приближенни смеются, тебе забывши...
 Черно платие кручину, потужил год, сродник скинет,
 По себе справит отчину, жена за другого выдет.
 Душу твою поминати по церквям иным прикажут.

Призывом к праведной жизни в ожидании неминуемого конца и новым обращением к неумолимой «темных гробов владычице» завершается первая часть «Пятикнижия».

Другой, гневный и величественный, тон господствует во второй книге — «О страшном суде». Стих Белобоцкого приобретает мрачную торжественность:

Суды, суды поспешайте, монархове мира сего.
 Песней моих послушайте, власть чина церковнаго.
 Цари, князи с боярами, вельможа купно с рабами...

Грозное описание конца света открывает эту часть поэмы:

Где посмотрю, везде гроза, страх, болезнь, замешание
 Огненная стоит лоза, на грешных наказание...
 Кипит море, камень дикий крушится, давно потеет.
 Крик, вопль и шум превеликий, и небесна твердь ся хвеет.
 Паде мир в гору ногами, претворился с городами,
 Остаток сгоревает с нами, живущим мертвецами.
 Молчание в мире стает, в пепел сожженным до кола.
 Ночь темна от моря встает, не звонят нам колокола.

Апокалиптические видения бедствий, обрушившихся на землю, сменяются описанием «сильных рот» богатырей, несущих знамя с изображением распятого бога — и начинается суд. Гневное обличение грешников, в котором явственно звучат ноты социального протеста, составляет едва ли не самую выразительную часть поэмы:

Аз алках, вы пиروвали, просил у вас милостыни,
 Вы же ми отказывали, не дали хлеба крошины...
 Чреву есте работали, с брюхом ходя, что с бочкою,
 Нищих словом отбывали, отягчали работою...
 В потех, в жарах, что в дни жатвы просил у вас охолоды,
 Не помнили есте клятвы, не дали ми капле воды...
 Аз в морозех наго ходил, дрожал у вас под окнами,
 Одежды на мя не положил, никто не покрыл шубами.
 Вы платие сундуками делали всеми годами,
 Шубы, шубки с соболями, горностаины з огоньками,
 Рысьих, лисьих, белых много, мне не дали и овчины.
 Дрожите, ходите наго, не дам вам и рогозины.
 Седях в тюрьме, главы моей безвинно врази искаша...
 Странных, бедных, утомленных, с пути в твой дом приходящих.
 Изгнал еси посрамленных, места у тебе просящих.
 Ты на мягком пуховнику лежал, а они не спали.
 Полежишь в будущем веку в аде, они в небе стали...